

ФИНАЛ
КРИМИНАЛЬНОЙ ДРАМЫ
«Первая древнейшая»
«Вторая древнейшая»

Эдуард СЕМЕНОВ

СУКЖ

ТРЕТЬЯ ДРЕВНЕЙШАЯ

«Отомстить и через двадцать лет не поздно!»

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сук*

Эдуард Семенов

Сук*. Третья древнейшая

«Автор»

2019

Семенов Э. Е.

Сук*. Третья древнейшая / Э. Е. Семенов — «Автор»,
2019 — (Сук*)

ISBN 978-5-532-94556-2

Финал криминальной саги из 90-х: «Первая древнейшая» и «Вторая древнейшая». Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94556-2

© Семенов Э. Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Сук*: третья древнейшее	5
Глава 1. Пастух	6
Глава 2. Новый Арбат	14
Глава 3. Шакро-старый	19
Глава 4. Аэропорт	24
Глава 5. Зуфар	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эдуард Семенов

Сук*. Третья древнейшая

Сук*: третья древнейшее Окончание криминальной саги

Начало и продолжение читайте в книгах:

Сука*: первая древнейшая

Сук*: вторая древнейшая

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Глава 1. Пастух

Горная Ингушетия. Джейрахский район, Высокогорные пастбища близ небольшого аула, рядом с селом Гули. Наши дни.

Стадо овец мирно паслось на зеленом склоне. Склонив голову к траве, овцы медленно передвигались вдоль обрыва, на краю которого сидел пастух в черной бурке и папахе.

Рядом с ним лежала огромная черная псина, опустив морду на широкие сильные лапы.

Пастух сидел на складном стульчике, опираясь на длинный посох, и, казалось, дремал. Но стоило лишь какой-то неразумной животине сделать шаг в сторону, как он делал короткое движение головы, и пес тут же срывался со своего места, лаем загонял овцу обратно в стадо.

Солнце уже перевалило через свою верхнюю точку и медленно двигалось к закату. Тень от палки пастуха удлинялась. В тот момент, когда она коснулась большого серого камня, лежащего на краю горной тропы, идущей вдоль обрыва, на ней появилось два мальчишки. Один нес на голове сверток с лавашем, второй – кувшин с водой.

– Здравствуйте, дядя Зуфар, – обратился к пастуху один из мальчишек, когда подошел к нему. – Тетя Зухра прислала вам еды и вина, велела завтра спуститься в аул. Сказала приедет Махмуд. Говорить с Вами хочет.

Мальчишки с почтением передали еду пастуху и замерли в ожидании ответа. Пастух отломил кусок мягкой лепешки, взял в руки кувшин, сделал большой глоток. Несколько светлых капель полились по краю губы по щекам, седым усам и бороде. Широкой ладонью Зуфар вытер капли белого сухого вина и с улыбкой посмотрел на мальчишек.

– Чего стоите? – спросил он их. – Сделали свое дело, идите. Я Вас услышал.

Мальчишка, тот, что нес кувшин и выглядел постарше, топнул ногой.

– Тетя Зухра велела получить от Вас ответ.

Зуфар прищурился и покачал головой.

– Что за привычка втягивать детей в дела взрослых? Она отлично знает, мой ответ. Кто будет смотреть за стадом моим? Вы что ли? – он показал мальчишкам козюлю, – Передай тете Зухре, если Махмуд хочет со мной говорить, то пусть приходит сюда или воспользуется спутниковой связью.

Зуфар откинул бурку и показал руку, в которой зажал большой спутниковый телефон с антенной.

Старший посмотрел на младшего и кивнул ему, показывая, чтобы тот пошел погулять. Младший мальчишка осмотрелся вокруг, увидел ягненка, и решил пойти его погладить. Он развернулся и побежал к нему. Пастух поднял бровь и посмотрел на пса. Тот лениво поднялся, потянулся и неспеша потрусил за ребенком. Старший мальчишка остался стоять, с почтением глядя на пастуха.

Зуфар понял, что у него есть отдельное послание для него. Он кивнул ему головой, приглашая садиться рядом.

– Ну, давай, Али, рассказывай, что еще случилось в ауле? Почему тетя Зухра на самом деле хочет меня видеть?

Мальчик сел на камень перед Зуфаром, взял в руки камешек, несколько раз подкинул его, а потом прицелился и бросил с обрыва.

– Маха приедет не один. Он приедет со своим ... – Али подбросил камушек, вспоминая незнакомое слово, потом засмеялся и посмотрел на Зуфара. – Забыл это слово.

Зуфар показал свои ровные белые зубы.

– Продюсером?

Али хлопнул себя по лбу.

– Точно. С ним. А кто это, дядя Зуфар?

– Шайтан, – Зуфар убрал руку с телефоном, – но иногда бывает и полезным.

Пастух посмотрел на свое стадо. Бараны нашли свежую травку на самом краю обрыва, и уже тянули свои морды за ней.

Зуфар тихонько свистнул своему псу. Волкодав поднял уши и, даже не глядя на своего хозяина, начал исполнять его команду, отгонять стадо от обрыва. Хватал самых непослушных баранов за задние ноги и оттаскивал их от края обрыва, а тех, кто лез сзади, кусал или клацал перед их мордами огромными крепкими зубами такими же белыми как у его хозяина.

– Видишь, – Зуфар объяснил мальчишке происходящее, – здесь вдоль обрыва самая сочная трава, и от нее бывает самая шелковистая шерсть, но... – Зуфар посмотрел вперед за край скалы, – там и самая большая опасность оступиться. Первые может и попробуют вкусной травки, но вторые обязательно спихнут первых в реку, которая протекает по дну ущелья. Упустишь момент и потерять можно больше, чем получить. Поэтому за стадом обязательно нужно неусыпный присмотр. Понял?

Али кивнул головой.

– Понял. Так что сказать тете Зухре?

– Я сам ей все скажу. – Он набрал номер телефона и приложил трубку к седому виску. Дождавшись ответа, коротко, но как можно ласково, сказал в трубку. – Зачем ты втягиваешь в это дело детей? Ты же отлично знаешь, что я скажу.

В трубке раздался женский голос, Зуфар выслушал речь женщина, не перебивая, и когда она наконец закончила, сказал свое последнее слово.

– Если Маха со своим продюсером проделали такой большой путь и добрались до аула, то пусть сделают еще пару шагов и приходят сюда. Здесь говорить будем.

В трубке снова послышался причитающий женский голос, но на этот раз Зуфар прервал его.

– Я все сказал, женщина. Разговаривать будем здесь.

Он отключил телефон и посмотрел на Али.

– Ну, что? Со мной останетесь или побежите домой?

– А вы прием покажете? – мальчик склонил голову, хитро с прищуром посмотрел на пастуха.

Зуфар засмеялся.

– А стадо поможет загнать в загон?

Али сразу вскочил с камня.

– А можно?

– Конечно.

– Сейчас?

Зуфар посмотрел на солнце. Оно уже коснулось горной вершины.

– Можно и сейчас. Идите, Баярд вам поможет.

Мальчишка сорвался к своему приятелю, оглашая горы звонким детским голосом. «Дядя Зуфар разрешил нам загнать стадо!» Вслед за ним громко лая побежал волкодав. Он хорошо знал свое дело, поэтому мальчишки на самом деле здесь были лишними.

Пастух встал и оперся на свой посох, продолжил следить за тем, как стадо развернулось и пошло через вытопанную ими поляну к загону, организованному возле скалы.

Когда последний баран был загнан за ограду, солнце уже окрасило соседние склоны в ярко-красные цвета. Стало прохладно. Зуфар разжег костер под скальным выступом, рядом с расщелиной из которой тонкой струйкой бился холодный ручей, образуя небольшой пруд. Можно было умыться, омыть руки и при желании сполоснуть все тело, как будто под краном с ванной в городской квартире.

Зуфар так и сделал, он скинул бурку, шапку, снял верхнюю рубаху и остался голый по пояс, в кожаных штанах и мягких сапогах. Кряхтя с удовольствием, подставил свое жилистое, и уже морщинистое тело под струи ледяной воды. Облился с головы до ног, обтерся сухим полотенцем, которое достал из заплечной сумки. Она лежала возле костра. Посмотрел на притихших ребят.

– Ну, что? Кто со мной?

Ребята стали отнекиваться, но Зуфар прикрикнул.

– Ну, живо под душ, а то прием не покажу.

Мальчишкам пришлось подчиниться. Они сняли с себя пыльные рубахи и набрали в ладошки воды, потерли влажными руками свои щеки. Зуфар рассмеялся, набрал в свои ладони воды и плеснул их на ребят, а затем толкнул Али под струю. Тот заверещал. Зуфар выдернул его и толкнул туда младшего.

– Баха, давай не отставай. В здоровом теле здоровый дух!

Вода на самом деле не было такой холодной, за день камень нагрелся и отдавал свое тепло воде, поэтому мальчишки быстро привыкли и даже начал плескаться, а потом потихоньку бороться.

Зуфар внимательно следил за их телодвижениями, поправлял и подсказывал. Когда они устали, он еще раз омыл их тощие тела и вытер насухо полотенцем.

– Ну, на сегодня хватит, – сказал он им, – пошли ужинать и готовится ко сну.

Зуфар с улыбкой посмотрел на небо.

Звездный купол развернулась над их головами, а полная луна освещала их стоянку. Когда они уже уселись у огня, и его тепло передалось их телам, ребята стали задавать вопросы.

– А почему дядя Зуфар вы постоянно живете в горах и так любите спать по открытым небом? – обратился к пастуху Баха, со свойственной детской непосредственности, – ведь вы можете жить где угодно. Даже во дворце арабского шейха?

Пастух засмеялся.

– Ну, ты хватил. У арабского шейха. Кто тебе сказал такую глупость?

Али перебил младшего.

– Да, все об этом знают, дядя Зуфар.

– Что именно?

– Что вы очень богатый.

Пастух подкинул дров.

– Главное мое богатство здесь. Эти горы, это стадо, это звездное небо, свежий воздух и возможность дышать этим воздухом. – он посмотрел на мальчишек. Они его не поняли, потому что Баха продолжить гнуть свою линию.

– Но ведь за воздух нельзя купить плейстейшен.

Зуфар засмеялся.

– Мне он не нужен. Да и вам если разобраться тоже. Разве мы с вами плохо сейчас поиграли, потолкались, поборолись? Все, что я Вам показал, Вам обязательно пригодится. А вот что полезного в этих плейстейшенах? Чего Вы там узнаете?

Али начал спорить.

– Ну, например, как гонять на крутых тачках, как стрелять из пистолета. Да много чего.

Зуфар замолчал и снова посмотрел на небо. Ну, откуда они этого набираются? Как этим мальчугана объяснить, что это не так? Никак. Свою голову не приставить к чужому телу. И может быть, слава аллаху, что они не смогут повторить тот путь, что пришлось пройти ему? Он посмотрел на ребят.

– Подарю Вам по плейстейшен.

Мальчишки смущенно заулыбались и начала толкать друг друга плечами.

– Что правда?

– Если сможете выиграть борцовский турнир, – сказал он с прищуром, – в сентябре.

– Ну, дядя Зуфар, это же невозможно, – заканючил Али.

Зуфар засмеялся.

– Нет, ничего невозможного, главное желание.

Они еще долго разговаривали, спорили и мечтали под луной, глядя на безбрежный иссиня-черный купол неба, украшенный серебряными точками далеких звезд, пока не уснули, укрытые теплыми овечьими шкурами.

Утром их разбудил шум вертолета. Зеленая винтокрылая машина с красной звездой на борту, транспортный Ми-8 из пограничного отряда, всплыла как подводная лодка над кромкой облаков. Потревожив парящих в небе орлов, машина зависла вровень с обрывом со стороны скалы, на краю между камнем и небом, потом переместился в сторону зеленой лужайки, плавно коснулся колесами твердой поверхности.

Когда винты остановились, открылась дверь салона, из него выпала откидная лестница и по ступенькам сбегал невысокий молодой капитан пограничной службы, одетый в зеленый камуфляж и берцы, в зеленую панаму, с укороченным АКМом на плече.

– Вот и пентхаус, господа, ваш этаж, можно выходить, – крикнул он кому-то у себя за спиной, и пошел навстречу Зуфару, которые накинув бурку и папаху, опираясь на свой посох, вышел навстречу капитану. Рядом с ним шел его черный пес. При виде капитана он весело помахал ему хвостом.

– Мое почтение Зуфар-оглы, – обратился капитан к пастуху, протягивая ему руку и одновременно трепля пса по загривку. Зуфар ответил на рукопожатие, обняв капитана. – Рад тебя видеть, Паша.

Когда губы капитана оказались на уровне уха Зуфара, тот коротко ему прошептал.

– Гостя проверили по всем базам данных, позже скину отчет. У него был ствол. Изъяли при посадке в вертолет. Был недоволен. Колюще-режущих не обнаружили. Мутный товарищ, поосторожнее с ним.

– Благодарю, – также шепотом ответил Зуфар, – барашек с меня.

Они отстранились, еще раз посмотрели друг на друга и пошли навстречу двум мужчинам, которые вышли из вертолета в сопровождении пары пограничников с автоматами на перевес.

Зуфар раскрыл объятия.

– Дай я тебя обниму, сын!

Сыном он называл высокого черноволосого парня, одетого в узкие черные брюки, с широкой мотней, в блестящих кроссовках, дранную футболку и кожаную куртку с накладными плечами. На шее у него висела толстая золотая цепь, на голове была надета кепка со стразами. На глазах черные очки. Зуфар осмотрел наряд сына, покачал головой, но ничего не сказал и никак не показал доволен он внешним видом сына или нет.

Они обнялись. Зуфар сильно прижал сына к себе. Ощутил резкий запах мужского одеколona. Поморщился. Отстранился. Еще раз осмотрел сына.

– Рад тебя видеть! Чего такой хмурый, не выспался? Как мама?

Он посмотрел на стоящего рядом с Махой мужчиной.

– А это кто с тобой? Твой товарищ? Познакомишь?

Маха показал рукой на своего спутника. Пухлого здоровяка.

– Знакомься, отец, это Вениамин.

Вениамин был одет в узкие малиновые джинсы, желтый пиджак, под которым можно было разглядеть футболку с замысловатым пестрым узором, в котором преобладал салатный цвет. На босу ногу – кожаные мокасины. На плече его висел толстый рыжий портфель, из кото-

рого торчала какая-то яркая папка. Всем своим видом он показывал, что недоволен происходящим.

Зуфар оперся на свой посох и посмотрел на Вениамина. Их взгляды на короткое мгновение встретились. Острый как тонкое лезвие кинжала взгляд Зуфара и бегающий поросячий взгляд Вениамина.

– Здрасьте, – коротко бросил он и гордо отвернулся, всем своим видом давая понять, что ему не нравится место, где он находится, и человек, с которым его знакомят.

– Он мой продюсер, отец, – продолжил Маха. Смущенный поведением Вениамина, он опустил глаза, но все же продолжил, – и мы к тебе ненадолго. Вениамин плохо переносит высоту. Давай быстро переговорим и мы улетим обратно.

– Ну, что же давай поговорим по-быстрому, – хмыкнул Зуфар, но его слова прервал капитан. – Извини, Зуфар-оглы, не получится. Нам нужно. Лететь.

Он покрутил рукой над головой, давая команду пилоту запускать двигатель. Махнул своим пограничникам и побежал к вертолету. Вбежал по ступенькам на борт. За ним поднялись его солдаты, последний убрал лестницу. Закрылась дверь, потом снова открылась. Выпал трап. Из вертолета выбежал капитан, держа в руке пистолет. Подбежал к Зуфару с почтением передал ему, показал рукой на Вениамина, перекрикивая шум винтом, произнес.

– Это его, – и придерживая рукой панаму, побежал назад в вертолет.

Через мгновение винтокрылая машина оторвалась от земли, и клюнув носом прошлась вдоль кромки обрыва, набирая скорость, нырнула в облака. Тут же исчезла. Ее звук разнесся по ущелью, гуляя между стенами, но очень быстро затих. На поляне наступила тишина, прерываемая блеянием стада, которое уже застоялось в своем загоне, и просилось на выгул.

Зуфар продолжил стоять, опираясь на посох, держа за ствол пистолет. Пес подошел к Вениамину, обнюхал его, и вернулся к хозяину. Посмотрел на него, давая понять: хватит стоять, есть дела поважнее.

Вениамин, открыв рот и беспомощно смотрел в сторону улетевшего вертолета.

– А, – раскинул в стороны руки, – что это было? – наконец произнес он, глядя на Маху, и косясь украдкой на свой пистолет в руке Зуфара. – Надеюсь они вернуться за нами?

Он посмотрел на Зуфара, ожидая, что тот скажет что-то одобряющее, но Маха покачал головой.

– Боюсь, что сегодня вряд ли. К обеду поднимется ветер и вертолет уже не сможет пролететь по ущелью.

Он посмотрел на отца.

– Ведь так?

Зуфар опустил и поднял веки.

– В лучшем случае завтра. Но если кому-то надо срочно спуститься вниз, – он бросил короткий взгляд на продюсера, – то всегда есть козья тропа. Мальчишки с удовольствием по ней проведут.

Он показал рукой на ребятишек, которые сидели на ограде овечьего загона и наблюдали за всем происходящим издалека.

– Завтра? – пискляво взвизгнул Вениамин, смотря то на Зуфара, то на Маху, то на ребятишек, – какая, бля, козья тропа? Маха, куда ты нахер, меня притащил? Я что баранов никогда не видел?

Он театрально вздернул нос, и застонал.

– О, мама, миа! С кем я, сука, связался?!

Он демонстративно не замечал Зуфара, всем своим видом показывая, что для него он никто. Зуфар понял его, хмыкнул, потом подкинул пистолет в руке, будто взвешивая его, ловко поймал опять за ствол, а потом протянул его рукояткой вперед в сторону Вениамина.

– Забери, он твой, – при этом Зуфар, чуть ли не насильно положил палец Вениамина на спусковой крючок, а затем развернулся и, не глядя на него, пошел к своим овцам. Оставив крикливого непрошенного гостя стоять на середине поляны о чем-то ругаться с Махой.

Не обращая больше внимания на своего сына и его спутника, Зуфар приказал мальчишкам вернуться к костру, подкинуть дров в огонь и набрать из родника в закопченный чайник воды, поставить его греться. Сам же, откинул жердь ограды начал выпускать овец и баранов на волю. Пес, приступив к своему повседневному обязанностям тут же повеселел, начал бегать вдоль стада, оглашая окрестности своим громким лаем.

Он отлично справлялся со своими привычными функциями, быстро собрал стадо, погнал его на луг мимо Махи и Вениамина, которые продолжали стоять на том же самом месте, переминаясь с ноги на ногу и о чем-то спорили, отчаянно жестикулируя.

Выпустив, последнее животное из загона, Зуфар пошел к костру, достал из заплечной сумки сыр, начал его резать острым охотничьим ножом, время от времени поглядывая на своих непрошенных гостей. Первым к нему пошел Маха.

– Отец, мне нужны деньги.

Зуфар положил в рот кусочек сыра. Прожевал и только после этого ответил.

– Это понятно. Стал бы ты ко мне забираться из-за чего-то другого. И раз притащил это существо, то наверняка много?

Маха кивнул головой.

– Да, я хочу записать новый альбом. Организовать тур по стране в его поддержку. Этот парень лучший продюсер для этого, но он стоит дорого.

Зуфар покачал головой.

– И сколько же он стоит?

– Миллион евро.

Зуфар взял еще кусок сыра, отломил лепешку.

– Садись. Угощайся, – посмотрел на Вениамина, – он что так и будет топтаться там?

– Уважаемый, – громко крикнул Зуфар, – в ногах правды нет. Присаживайте к нам.

Маха махнул рукой.

– Вениамин, иди сюда.

Тот нехотя подошел.

– Я дам тебе деньги, сын, – ответил Зуфар коротко, как будто речь шла о небольшом одолжении. – когда-то я обещал твоей матери, что буду заботиться о тебе, и намерен сдерживать обещание. Но я хотел быть уверенным, что эти деньги пойдут на тебя, а не этому...

Зуфар кивнул головой в сторону Вениамина, не зная, как сказать, потом все же вспомнил про традиционное кавказское гостеприимство, добавил, – уважаемому человеку.

Маха встрепенулся. Вениамин при этом замер, чуть приоткрыв рот от удивления.

– Что правда дашь?

– Я что должен повторять дважды? – удивился Зуфар, – Да, но у меня есть одно условие.

– Какое? – встрял в разговор Вениамин, впервые показав свою заинтересованность.

– Вместо тура по стране, ты поедешь в круиз по Средиземному морю на нашем лайнере.

– У нас есть лайнер? – удивился Маха.

– Есть, – ответил Зуфар, но естественно всей организацией круиза и твоих концертов будут заниматься наши люди, Маха. Из нашей семьи, – Зуфар выразительно посмотрел на промутера, – нам не нужны чужие. Он может быть только ширмой за гонорар, сумму, которую мы сейчас обговорим.

Вениамин вздрогнул как будто его ударили плеткой.

– То есть как это? У нас с Махой контракт, я занимаюсь его раскруткой, я вложил в него уже уйма денег. Кто вернет мои деньги?

Зуфар присмотрелся к Вениамину.

– И сколько же ты потратил на моего сына?

Вениамин начал заикаться.

– Ну, концерт в Олимпийском, плакаты, музыканты, радиоэфир. Это все стоит дорого. Да, что я Вам объясняю. Кому? Разве вы в состоянии понять...

Зуфар сделал вид, что не заметил хамства.

– А разве ты не заработал на нем?

Вениамин вспыхнул, но в прямую на вопрос не ответил.

– Причем здесь это? Я его раскрутил? Теперь его все знают, кто он был без меня?

Зуфар отвернулся от продюсера и продолжил разговор с сыном.

– Еще я хочу послушать как ты поешь, сын.

Маха удивился, но согласился.

– Конечно, я взял с собой записи.

– Нет, – Зуфар покачал головой. – В живую.

– Здесь?

– А что тут такого? – Зуфар осмотрелся вокруг. Прекрасная концертная площадка. Если встать на краю скалы, то тебя услышат и орлы, и бараны.

– На краю? – испуганно переспросил Маха.

– Да, – кивнул головой Зуфар. – Хочу посмотреть, на что ты способен. Кто придет тебя послушать.

– Да, вы в своем уме, – заголосил Вениамин, – Как он может тут петь? Здесь нет аппаратуры, гримеров, музыкантов. Это невозможно. А если он разобьется?

Зуфар не сводил глаз с сына.

– Он так и будет встревать в наш разговор? Или ты сомневаешься, в том, что я могу дать тебе эти деньги?

Маха покачал головой.

– Нет, отец, сомнений у меня нет, – тут он посмотрел на продюсера взглядом, который был похож на взгляд отца, – Вениамин, ты может немного помолчать. Неужели ты не понимаешь, что сейчас твои понты не действуют?

Вениамин запнулся.

– Что? – он вытаращил глаза на Маху, – ты поднимаешь на меня голос? Да ты ничтожество, бездарность. Без меня ты никто. Как я могу тебе поверить? Откуда у этого пастуха деньги? Он что баранами торгует? Где были мои глаза?

Он демонстративно достал телефон из кармана и начал его набирать. Ни до кого дозволился. И тут вспомнил про свой пистолет, который все это время как будто случайно держал в руке. Он неумело поднял его и направил на Зуфара.

– А ну-ка, давайте быстро организуйте нам спуск вниз? Маха мы уходим, – обратился он к своему бывшему певцу. – Не хочу находиться здесь ни секунды.

Маха и Зуфар переглянулись.

– Вениамин, успокойся, – попытался урезонить промоутера Маха, – Надо уметь проигрывать. Все твои деньги я тебе верну. Обещаю. Убери пистолет. Не дури.

– И не подумаю, – парировал тот, – мы пойдем сейчас вниз и как можно скорее. У вас есть спутниковая связь, я знаю. Вызовите МЧС. Пусть меня отсюда спустят.

Зуфар посмотрел на сына.

– Какой он все же не воспитанный. В шоу-бизнесе все такие?

– Извини, отец, – Маха опустил глаза.

Зуфар посмотрел на Вениамина, как на несмышленища.

– Уважаемый, неужели Вы думали, что вам вернут пистолет с патронами? Пистолет пустой как ваша голова.

Зуфар показал ему магазин с патронами, которые капитан передал пастуху вместе с пистолетом. Вениамин вздрогнул, как будто его ударили по лицу, и, не меняя позы, нажал на курок. Раздался сухой щелчок. Не было никаких сомнений, что будь у пистолета хоть одна пуля, то она попала бы точно в сердце пастуху. Но выстрела не было. Вениамин еще раз щелкнул в холостую. И начал пятиться от Зуфара и Махи, продолжая жать на курок. В конце концов понял, что выстрела не будет, он зарычал. Размахнулся и кинул пистолет в Маху. Тот увернулся от него. Пистолет пролетел над головой и как железка упал на камни, покатился по ним.

– Да, пошли вы! – Вениамин плюнул, развернулся и куда-то побежал вдоль кромки поля, пока не скрылся за каменным выступом.

– Видишь сын, как просто раскусить человека, – провозжая его взглядом, проговорил Зуфар, – Достаточно поднять его на три тысячи метров от земли и дать в руки пистолет. И сразу станет понятно, кто перед тобой.

– Ну, я бы, наверное, тоже расстроился в таком случае? – сказал осторожно Маха.

Зуфар пожал плечами.

– Это понятно. Но было бы неплохо понять, откуда у него пистолет? Ведь ты не знал про оружие?

Маха покачал головой.

– Нет, если честно. Сам был удивлен. До этого я его с оружием не видел. И вообще он всегда говорил, что пацифист и такие методы не приемлет.

– Вот, – Зуфар развел руками. – Возможно, что кто-то попросил его взять с собой. На всякий случай, а может быть и с конкретной целью, – он махнул рукой. – Впрочем может это мои домыслы.

– А что ты будешь делать с ним дальше? – спросил Маха.

– А что с ним сделаешь? – Зуфар пожал плечами. – Он же не баран. С него шкуру не снимешь. Да и кому она нужна, его шкура? – задумался. – Впрочем, может кто-то за него и заплатит.

– В смысле?

– Если сейчас сорвется со скалы, так его даже искать никто не будет, как ты понимаешь. – Зуфар посмотрел в сторону, куда ушел Вениамин, прислушался. – Ну, а если не сорвется, то... – улыбнулся своим мыслям, – станет... снежным человеком, которым детей пугать будут.

Зуфар отдал Махе магазин с патронами.

– Возьми себе. Пистолет надо найти. Пригодится.

– Прости, отец, – повторил Маха, принимая патроны, – даже не представлял, что у него мог быть ствол. Честно.

– Ладно, забыли, – он еще раз прислушался, но услышал лишь блеяние баранов, да крик орлицы, которую кто-то спугнул с гнезда. – Хм, не сорвался... Не такой он увалень как казался. Значит, скоро вернется... Надо будет его хорошенько расспросить...

– Ну, а как насчет денег? – перебил его Маха.

Зуфар покосился на сына.

– Не зли меня, я же сказал, споешь для моих орлов и баранов, будут тебе деньги.

Маха сжал губы. Спорить было бесполезно.

Глава 2. Новый Арбат

Желтое «Вольво» несло по вечерней Москве, не снижая скорости на поворотах и светофорах. Подрезанные водители возмущенно сигналили машине в след и крутили у виска, провожая злыми взглядами лихача, которого было не видно за тонированными стеклами.

В кожаном салоне звучала громкая танцевальная музыка. На передней панели лежал диск, на котором был изображен красивый молодой человек и крупными буквами было написано: МХ. Впрочем, эти буквы можно было прочесть и как МИКС, и как Макс, и даже как Маха.

За рулем сидела уверенная в себе блондинка с пухлыми чертами лица, одетая ярко, вычурно и богато. На ее шее поблескивала золотая солидная цепочка, в ушах – серьги с бриллиантами в десяток карат. На пальцах были одеты персти из благородных металлов и с благородными камнями в оправе. И камней, и драгметаллов было столько, что бы было понятно, что на ухоженном и шикарном, и чуть-чуть пухлом, мягком теле с весьма внушительной грудью именно украшения, а не плата за услуги.

Рядом с ней сидела подруга, намного моложе, темноволосая, тоненькая как веточка, с маленькой плотной грудкой. В общем и целом, фигура ее была спортивнее и стройнее. Ноги красавицы уходили далеко под переднюю торпеду и казались бесконечными. Вторая девушка была также хорошо и стильно одетая, разве только золота и бриллиантов было гораздо меньше.

Она сидела, выставив локоть в открытое окно и подставляла свое лицо встречному ветру.

– Ну, как тебе, Маша? – спросила блондинка, кивая на диск, – по-моему супер.

– Нормально, – ответила подруга, повернувшись лицом в салон, – музон клевый, сколько у него песен?

Она взяла в руки диск, покрутила его, прочитала, небрежно кинула обратно.

– Всего одна?

– На диске одна, но он придумал крутую вещь, двенадцать концертов – двенадцать новых мест – двенадцать презентаций. Кто побывает на всех концертах, получает в подарок крутую тачку, – девушка за рулем кинула взгляд на свою молодую подругу, но та лишь пожала плечами, – Тебе нужна крутая тачка, Настя?

– Нет, конечно, – Настя засмеялась, я хочу, чтобы он пел на моем дне рождения, и только для меня.

Маша пожала плечами.

– Твой день рождения, кого хочешь, того и заказывай.

– Ну не Тимоти же с Басковым приглашать. Они уже давно утиль. Вот, МХ сегодня самый крутой. И такой красавчик, – Настя взяла диск и приложилась к нему своими губами, оставив ярко красный след.

Раздался звонок мобильного телефона в виде гимна России. Блондинка убавила музыку в машине.

– О, маман звонит, сейчас будет снова пилить.

Переключила звук на громкую связь.

– Алло, слушаю.

– Ты опять носишься по Москве? – услышала она голос матери, – дядя Саша звонил. Твою машину зафиксировали уже десять камер, ты что не можешь ехать потише?

Настя чуть подалась вперед.

– Знаешь, что мама! Скажи дяде Саши, чтобы пошел в жопу. Тебе что жалко штрафы оплатить?

– Дочь, причем здесь штрафы. Себя угробишь, Машу. Что я ее матери скажу?

Настя посмотрела на подругу. Та поморщила свой красивый носик, сунула два пальца в рот, показала язык и ровные зубы.

– Вот так и скажете, как есть, правду. Мне скрывать нечего, – резко бросила трубку Настя и отключив телефон, бросила его рядом с коробкой передач.

– Ненавижу за это мать, всегда врет. Этот хахаль сейчас ведь рядом с ней сидит. Я же знаю. А она говорит, что звонит. Зачем врать, все же уже в курсе их отношений.

Она смахнула навернувшуюся слезу.

– Пять лет прошло, а никак не могу смириться, что он ушел.

Машина свернула с проспекта и заехала на VIP-стоянку ночного клуба на новом Арбате, возле которого висел огромный рекламный плакат с изображением певца МХа. Снова раздался звонок матери.

– Настя, не отключайся, пожалуйста, так резко, когда с матерью говоришь. Скажи, где тебя искать?

Настя подняла глаза кверху.

– О, боже, а то ты не знаешь? Как обычно спроси у своего дяди Саши, он тебе все скажет. Следите за мной, как будто я ребенок, а мне, между прочим, уже двадцать восемь лет. Замуж давно пора, а как я могу выйти замуж, если Вы шагу ступить мне по Москве не дадите, всех женихов распугали.

Она снова отключила телефон и повернула ключ, выключила двигатель, посмотрела на подругу.

– Знаешь, Маша, отец никогда бы не стал за мной следить, – потом тряхнула головой, будто избавляясь от грустных мыслей, посмотрела на рекламный баннер, – Ну, что, подруга, пошли послушаем красавчика в живую. Вот клянусь, на дне рождения он будет мой.

Людмила Васильевна Кобалева, в девичестве Пружинина, вдова министра юстиции и действующий сенатор, укоризненно посмотрела на своего сожителя, крупного и влиятельного чина в московской полиции, который в спортивный штанах и отвислой майке сидел на кожаном диване перед экраном огромного телевизора. Когда никто не видел, он любил посидеть по-простому, что называется без понтов, и в доме у своей сердечной подруги было как раз такое место.

– Ну, где теперь ее искать?

Александр Иванович провел сальным пальцем по экрану большого планшета, лежащего у него на коленях прямо между пачкой с чипсами и бутылкой «Жигулевского пива» и, смачно рыгнув, назвал адрес ночного клуба на новом Арбате.

– Послать туда патруль? Пусть посмотрят?

Услышав адрес, Людмила нахмурилась.

– Где, где она сейчас?

Александр Иванович повторил адрес.

– Неужели этот гадюшник еще существует? – удивилась Людмила Васильевна.

– А что ему будет, его бауманские держат. Налоги платят исправно, отстегивают всем как надо, беспорядков не допускают. Вполне уважаемый клуб. А хочешь его убрать, тебе и карты в руки, ты как никак председатель комитета по культуре в Совете Федерации. Придумай какой-нибудь закон о запрете ночных клубов на центральных улицах городов. Или что-то в этом роде. В течение суток всех уберем. Что называется поганой метлой, и твой телеканал это осветит как положено.

– Так и сказал бы, что в доле, – она махнула рукой на главного московского полицейского, – а то ишь выдумал! Новые законы ему подавай. У нас в стране разве их мало. Существующих уже не хватает?

– Да, не в доле я, – начал препираться Александр Иванович, – не мой уровень. Ну, так перепадает по статусу.

– Ладно, – Людмила Васильевна задумалась, – а сколько сейчас время? – посмотрела на огромные часы с кукушкой, висящие на стене. – Одиннадцать? – и тут ее как будто подбросила, – а не сгонять ли нам туда на разведку?

Чего? – Александр Иванович аж поперхнулся.

– Чего? Чего? Поднимай свою жопу, поедем проветримся. Пообщаемся, так сказать, с народом. Черпнем со дна. Заодно и с дочерью может смогу поговорить, – ответила Людмила Васильевна и не дожидаясь согласия своего благоверного, пошла в шубную комнату выбирать подходящий для такого случая меховой наряд.

О том, что на нее нахлынули воспоминания и ей просто захотелось побывать в том месте, где началась ее головокружительная карьера, она, конечно, не собиралась никому говорить. А воспоминания действительно нахлынули на нее с головой. Накрыли как волной.

Впрочем, не зря ее когда-то называли Пружиной. Она всегда умела мгновенно концентрироваться и принимать верные решения. Уже подъезжая к новому Арбату, Людмила Васильевна пришла в себя и даже стала ругать себя за такой... резкий порыв. Но разворачиваться было уже вроде не резон, поэтому она просто прикрикнула на своего спутника.

– Саша, а можно выключить всю эту светомузыку? Несем как на заседание в Совет. Убери, пожалуйста, ради Христа, весь этот шум. Чего народ смешить?

Она положила свою ладонь на руку Александра Ивановича, который сидел на заднем сиденье, за спиной водителя. Он был одет в гражданский, вполне приличный костюм, но также держал в руке чипсы и пиво, а на коленях по-прежнему лежал планшет. Облизнув пальцы, тот подался вперед и похлопал водителя по плечу.

– Вася, уважь, даму. И сопровождению тоже передай, чтобы отключились.

Водитель щелкнул выключателем и по громкой связи сообщил приказ начальству.

В полнейшей тишине, так что слышен был только шелест покрышек по асфальту, огромный черный джип охраны и представительского класса лимузин вкатили на стоянку ночного клуба. Людмила Васильевна сразу увидела машину своей дочери.

– Только рядом с ней не вставай, пожалуйста. Воспримет еще как-нибудь не так, – сказала она водителю, и тот проехал вглубь стоянки. Припарковался, и собрался выйти, чтобы открыть двери, но Александр Иванович его остановил.

– Сиди, я сам.

Полковник полиции вышел из машины, обошел ее и открыл дверь. Подал руку своей спутнице.

Как только открылась дверь Людмила Васильевна аж зажмурилась от ярких огней рекламы ночного Арбата. И сквозь этих огни, так же, как и на ее дочь с огромного плаката размером шесть метров на восемнадцать сияла улыбка молодого певца.

– Кто это? – спросила она своего полковника, когда уже поднимались по ступенькам клуба.

Тот пожал плечами.

– Не знаю, планшет в машине оставил.

– А без него ты уже ничего не знаешь?

Александр Иванович засмеялся.

– Зачем? Когда все есть в планшете, – но потом приобнял Людмилу Васильевну за то место, где когда-то была талия, и прошептала ей на ухо. – Вы сегодня просто шикарно выглядите, – и чуть отстранившись добавил. – Леди.

Чем заставил Людмилу Васильевну приподнять бровь и хмыкнуть в ответ.

– Это было давно, и не правда.

– Да, кого это сейчас волнует, – ответил Александр Иванович, махнул рукой своей охране, приказывая им остаться на улице.

Два крепких парня в кожаных куртках встали возле входа в клуб, как два сказочных истукана из одного ларца, строго вглядываясь в лица праздной публике, которая кочевала из вестибюля на улицу и обратно, чтобы покурить, поговорить по телефону, так, чтобы никто не слышал, просто подышать свежим воздухом.

Седовласый швейцар увидел Людмилу Васильевну и тут взялся за свою фирменную фуражку. С почтением поприветствовал гостью, распахнул перед ней дверь.

Людмила Васильевна с удивлением узнала в нем своего старого знакомого.

– Петрович, ты что ли?

– Я, Людмила Васильевна, – довольный, что его узнали, ответил швейцар, – рады Вас видеть в наших стенах. Давненько не заходили. Какими судьбами?

– Да вот, дочку свою ищу. Не видел ее?

Швейцар склонил голову на бок и с прищуром посмотрел на сенаторшу.

– Анастасия Сергеевна с подругой проследовали в залу. Там были. Потом зашли за кулису знакомится с певцом.

Людмила Васильевна посмотрела на Александра Ивановича.

– Вот смотри, старая школа, всех знает и без всякого планшета.

Александр Иванович сунул швейцару десятидолларовую купюру и пошутил.

– Присмотри, мил человек, за моими ребятами, чтобы никто не обижал.

Петрович ловко убрал банкноту в карман.

– Не извольте беспокоиться. Проходите в гардероб, Людмила Васильевна, шубку можно оставить там. В зале сегодня жарко.

– А кто там сегодня? – проходя мимо переспросила Людмила Васильевна.

– Восходящая звезда, певец гор, по прозвищу МХ, кумир современной молодежи, – съехидничал Петрович, – полный зал девиц, – и продолжил, – Как поет не берусь судить, но, а все остальное на уровне.

Людмила Васильевна широким жестом скинула с плеч свою длиннополую шубу на руки подбежавшего гардеробщика, пригладила свои весьма аппетитные бока, и посмотрела на себя в огромное от пола до потолка зеркало. Одернула юбку ниже колен. Прошло то время, когда их надо было демонстрировать всем направо и налево. Теперь они уже никого не соблазнят.

Туфли на тонком каблуке, вытягивал щиколотку, отшитый золотом костюм сидел как влитой, а высокий воротник скрывала морщины на шее. Стильная тяжелая прическа завершала образ. И все же годы хоть и взяли свое, но все равно она выглядела солидно и представительно. «Ну да, не девочка, – оценила она себя, – но и не баба с базара».

В этот момент она увидела свою дочь. С красными от слез глазами она пробежала в дамскую комнату, а вслед за ней туда проскочила Маша, крича ей вслед.

– Настя, подожди, что ты из-за этого козла так расстроилась. Плюнь на него. Он того не стоит.

Людмила Васильевна подняла руку, посмотрел на своего полковника.

– Не надо! Я сама.

И гордо подняв голову пошла за своей дочерью.

В отделанной черным мрамором помещении никого кроме Анастасии и Маши не было. Анастасия стояла перед зеркалом и пыталась как-то смыть с лица тушь, которая размазалась по щекам из-за слез.

– Ну, сволочь, – всхлипывала она, – я ему еще припомню. Послал меня как какую-то шалаву.

Увидела в дверь мать.

– А ты что еще здесь делаешь? – резко бросила она, продолжая всхлипывать, – тебя еще не хватало.

– Кто это тебя послал, доча? – будто не слышала колкости, спросила Людмила Васильевна, – кто посмел обидеть мое золото?

Людмила Васильевна раскрыла свои объятия, и Настя не выдержала, бросилась к матери на плечо, всхлипывая и ничего толком не говорят.

Маша, подкрашивая губы перед зеркалом, объяснила ситуацию в двух словах.

– Если откинуть в сторону жаргон и эмоции, то Настя хотела пригласить Маху к себе на день рождения, а тот сказал, что на корпоративах не поет.

Людмила Васильевна отстранила от своего плеча дочь.

– И все? Ты из-за этого разревелась как дура?

Она достала платок и стала вытирать щеки дочери.

– Ну-ка прекрати реветь. Нет в нашей стране такого артиста, который бы отказал выступать у нас дома. Уверяю тебя. Он просто еще не понял. Но ему все объяснят, и он придет как миленький... Да... – Она подмигнула Маше, и тут же переключилась на нее. – Как мама? Как сама? Надолго со сборов вернулась.

Маша прекратила прихорашиваться.

– На неделю отпустили перед чемпионатом Европы. Потом едем в Италию.

– Хорошо, – Людмила Васильевна погладила дочь по голове. – Прекрати плакать. Решим мы эту проблему. Это вообще даже не проблема.

И Людмила Васильевна еще раз погладила по голове свою взрослую дочь.

Когда рыдание дочери утихло, она еще раз подмигнула Маше.

– Ну, ладно, давайте припудривайте носики и выходите, а я пойду посмотрю на вашего нового Карузо. Из-за чего хоть слезы-то лили.

Как только мать вышла, Настя облегченно вздохнула и разжала свой кулачок, в который был зажат небольшой пакетик с белым порошком.

– Чуть не спалились, – сказала она, глядя на свою подругу, и потрясла перед ней пакетиком, – будешь?

Маша поморщилась и отрицательно покачала головой.

– Ну и зря, очень помогает, – возразила Настя, и тут же высыпала содержимое на черный мраморный стол, в который была вмонтирована раковина.

Глава 3. Шакро-старый

Шакро-старый сидел в своей спальне, на широкой кровати, и щелкал пультом телевизора, переключаясь с канала на канал, просматривая последние утренние новости. От прежнего дородного Шакро, в нем осталась только черные и злые глаза, которые, казалось, могли вывернуть любые карманы, которые попадал в его поле зрения. За последние двадцать лет он сильно похудел. Кожа на щеках и шее свисало у него как уши у породистого спаниеля, и несколько раз подвергалась косметической подтяжке.

Одетый в шелковую пижаму, Шакро чувствовал себя совершенно комфортно, и практически не страдал от того, что не может встать со своего... кресла-каталки.

Война с Патроном за контроль над трафиком товара закончилась тем, что Шакро-старого заказали. Когда его лимузин подбросило от взрыва и перевернуло, то тело авторитетного вора зажало в смятом салоне так, что, спасателям, прибывшим на место происшествия, пришлось разрезать машину на несколько частей.

Пролечившись несколько лет в лучших клиниках Европы, он так и не смог встать на ноги, продал ресторан и поселился в особняке под Москвой, где все было переоборудовано для комфортной жизни инвалида, лишь изредка выезжая из него по делам и на курорты для поправки здоровья.

Частично утратив контроль над трафиком товара, тем не менее он не потерял своего влияния в криминальном мире. Во многом благодаря тому, что вовремя сообразил, что, вложив средства в продвижение своего человека во власть, можно заработать гораздо больше и самое главное совершенно безопасно и легально. Ну, почти легально и безопасно.

С этого момента и началась стремительная и головокружительная карьера Кобалевой, вершиной которой стало место члена Совета Федерации и председателя Комитета по культуре, кинематографии и средствам массовой информации.

Шакро переключился на новостной канал и с экрана на него глянуло лицо продюсера Штуца, а голос за кадром рассказал, что...

«Второй месяц продолжаются поиски продюсера Вениамина Штуца»

Шакро сделал погромче.

«...об исчезновении своего продюсера сообщил певец, композитор и автор собственных песен, МХ...»

На экране появилась фотография альбома певца: молодого, красивого, черноволосого, – а голос за кадром продолжил рассказ.

«Именно он и организовал поиски тела. По его словам, продюсер и певец отправились в горы за вдохновением. Там они жили у костра, занимались медитацией. В один из вечеров Штуц отправился один за дровами, и пропал. В горах часто меняются погодные условия. В тот день был туман. Штуц мог заблудиться и сорваться со скалы».

На экране появилось лицо певца. У него брали интервью.

«До сих пор не могу поверить, что его нет рядом со мной. Пока не будет найдено тело Вениамина, я буду считать его живым, – говорил МХ в подставленный микрофон, – и считаю своим долгом финансировать поиски. Вениамин многое сделал для моей карьеры, и я не могу бросить его. Даже по время своего тура по Средиземноморью, я буду перечислять часть своих гонораров на поиски Вениамина».

Шакро-старый посмотрел в угол экрана. Новость шла по каналу, директором которого была Майя Рыбакова. Он немного подумал. «Странно, а по другим канал ничего нет про это? Впрочем, не такая уж и шишка этот Штуц. И тем не менее».

Он толкнул своего молодой любовник, спящего на соседней подушке, раскинув по ней свои роскошные белые волосы. Страсть к молодым юношам была его последним грехом, который он неожиданно обнаружил в себе, после того как у него отнялись ноги.

Учитывая свое положение в обществе, ему приходилось это тщательно скрывать, и выдавать присутствие молодых мужчин в его спальне за охрану или санитаров, которые вынуждены сидеть возле него круглосуточно.

– Слышь, ты, просыпайся, – толкнул он парня в бок, – хватить дрыхнуть.

Юноша, не открывая глаз, промычал.

– Ну, Шакро, еще немного.

Шакро запустил в него пультом.

– Вставай тебе говорю, на работу пора.

Юноша открыл глаза.

– А ночью это была не работа?

– Это было удовольствие за дополнительную плату. Сейчас надо заняться делами.

Юноша потянулся своим красивым соблазнительным телом, предлагая его хозяину, но увидев холодный взгляд, тут же собрался и сел на постели.

– Ну, все, все встаю. Не ругайся. Я быстро в душ.

Он встал и прошелся по спальню комнате. Закрылся в ванной. Оттуда раздался шум льющейся воды. Юноша плескался под душем долго.

– Что там со Штуцом, – спросил он у парня, когда тот наконец с замотанной полотенцем головой вышел из ванной, – почему я узнаю о том, что он пропал, из телевизора?

– А он пропал? – Беззаботно переспросил юноша, вытирая свои волосы, и добавил, – если в телевизоре об этом говорят, то это же не значит, что это правда? Сделаю несколько звонков, все узнаю. Не переживай.

Он помог пересест Шакро в коляску.

– Давай лучше я тебя отвезу в ванную, тебе тоже не мешало бы принять душ.

Шакро понюхал подмышки.

– Свое не пахнет, -но согласился, принимать водные процедуры он любил. – Давай вези.

Они проехали в лифт, который отвез их прямо в бассейн, расположенный в подвальном помещении.

– Штуц взял у меня до хрена бабла, – прояснил ситуацию Шакро, лежа в бассейне, переключая различные режимы водных потоков, – а потом он перестал выплачивать проценты. Как мне доложили, у него появились карточные долги. Поэтому его исчезновение могло быть и инсценировано, чтобы нас кинуть. Нужно будет как следует расспросить этого красавчика, его певца. Понял?

Он посмотрел на своего любовника, которые в этот момент сидел рядом на бортике и листал страницы на экране айфона.

– Фил, брось ты свою игрушку, когда я с тобой разговариваю.

Парень оторвал глаза от монитора.

– Я, между прочим, выясняю ситуацию.

Он повернул экран в сторону Шакро.

– Вот смотри. У МХа появились деньги.

– Что ты мне его тыкаешь в рожу, не вижу ничего.

Любовник прочитал Шакро информацию с экрана.

– Беспрецедентный средиземноморский тур певца МХ на круизном лайнере, с заходом в двенадцать портов Италии, где в каждом он планирует дать концерт, исполняя по одной новой

песне, не сходя на берег. Тринадцатый концерт будет в Монако. Тот кто предъявит билеты со всех тринадцати концертов, примет участие в розыгрыше автомобиля «Альфа Ромео».

Шакро удивленно поднял брови.

– Очень интересно. И кто же спонсор?

– Не ясно.

В этот момент раздался звонок телефона.

– Кто там? – спросил Шакро. Фил посмотрел на экран.

– Совет Федерации беспокоит.

– Дай, мне трубку.

Шакро приложил к уху телефон и радостно произнес.

– Давно Вас не слышал, Людмила Васильевна!

– Да и я бы тебя еще век не видала, – в такт ответила Людмила, – есть разговор, дорогой.

Надо встретиться. Можешь ко мне подъехать?

В коридорах Совета Федерации любые звуки гасились мягкими коврами. Шакро, ловко управляя джойстиком, катил на своей коляске с электромотором по ним, не глядя по сторонам. Редкие пешеходы, идущие на встречу или по ходу его движения, пропускали его, прижимаясь спинами к стенке, украшенной картинами с портретами прежних властителей страны. Филипп, в черном костюме и очках, как и подобает образцовому секьюриту, шел за ним, держась рукой за спинку.

Кабинет Кобалевой находился в самом конце длинного коридора. Шакро разогнался и с разгона распахнул дверь, не притормаживая, вкатился в большую и просторную приемную.

Да, прошли те времена, когда Пружина, она же Людмила Кобалева, ездила к Шакро в ресторан «Кино» на кольцевую дорогу за советом и по вызову, теперь уже он сам не считал зазорным, приехать к ней. Впрочем, было бы странно, если член Совета Федерации ездила бы на прием к своему помощнику, а Шакро имел официальный статус ее помощника и даже получал за это зарплату.

За широким столом в приемной сидела молоденькая секретарша, в белой, отглаженной рубашке. Увидев Шакро, он тут же встала и улыбаясь, ласково пропела.

– Здравствуйте, Шакро Автандилович, Людмила Васильевна, вас ждет. Проходите.

Шакро посмотрел на Филиппа.

– Поворкуй здесь с Галочкой.

Филипп кивнул головой, отпуская кресло Шакро, и помог проехать ему в кабинет Кобалевой. Затем закрыл за ним дверь и развернувшись к секретарше коротко бросил.

– Кофе мне приготовь.

– Каждый раз как приезжаю к тебе, чувствую себя как шар в кегельбане, Люд, – Шакро проехал к столику у стены, и лихо развернулся на пяточке перед ним. – Жаль только кегли нельзя сбивать.

Людмила посмотрела на своего гостя через стекла очков. Потом сняла их и аккуратно положила на стол.

– Чего будешь пить? – Она встала и прошла к огромной картине, на которой была изображена ее дочь. Немного поправила ее и тут же рядом с ней открылась потайная дверь бара, в котором стояли бутылки с алкоголем. – Вискарика, может быть по чуть-чуть?

Шакро одернул рукава своего пиджака, показал манжеты белой крахмаленной рубашки.

– О, как ты начинаешь, дорогая. Чую разговор будет серьезный.

Людмила достала бокалы и бутылку. Разлила из нее несколько капель.

– Не думаю, что для тебя будет проблемой моя просьба.

Она вернулась к столу и взяла с него диск, на котором был изображен МХ.

– Вот посмотри, – она кинула диск на журнальный столик, – новая звезда у нас нарисовалась.

Шакро сделал вид, что в первый раз видит это лицо. Взял диск, покрутил в руках, и вернул на место. Пригубил из бокала.

– И что? Как нарисовалась, так и срисуется. Или какой интерес у нас имеется?

Людмила прошла перед Шакро. Села на край стола, как будто училка перед классом.

– Понимаешь, Шакро, этот парень сильно обидел мою дочурку.

– Наську, что ли? – перебил ее старый вор, – неужели обрюхатил?

Людмила всплеснула руками.

– Типун тебе на язык. Если бы... – Людмила погрозила ему пальцем. – Это было бы может и не плохо. Тут как раз все, наоборот. Это певун устроил моей принцессе отворот поворот.

Шакро округлил глаза.

– Да, ну... – не удержался, засмеялся, – Послал принцессу, – потом склонил голову на бок, – Бывает. Молодые бранятся только тешатся. Разберутся без нас.

– Ну, да, ну да, может быть. Но вот знаешь, что интересно, – Людмила снова прошла к столу и взяла с него несколько листов. – Мне тут рейтинги прислали. Вообще его популярность стремительно растет вверх. И знаешь, что поразительно?

Шакро снова приложился к бокалу, внимательно ее слушая, хотя уже и догадался, о чем пойдет речь. Людмила продолжила.

– Я к этому не имеем никакого отношения. А это ведь моя поляна? Или уже нет? Как так получается?

Шакро сжал губы.

– Ты что думаешь, что это я его ташу? В обход тебя?

– Ну, а у кого может быть столько бабок? Чтобы купить целый пароход для тура по Италии?

Людмила бросила на стол распечатку из интернета со статьей.

– Короче, я закрою на это глаза, если этот прыщ выступит на дне рождения у моей дочери.

Понял?

Шакро открыл от удивления рот, но потом передумал спорить и просто согласился.

– Понял, конечно. Но уверяю я тут ни при чем и сам бы хотел узнать откуда у парня бабки?

Теперь уже Людмила внимательно посмотрел на Шакро.

– Не пизди...

Шакро пожал плечами.

– Не хочешь, не верь. Но этот МХ не из моего гнезда.

Людмила постучала острыми коготками по полированному столу.

– А кто тогда?

В этот момент в дверь постучала Галина.

– Можно, Людмила Васильевна?

– Входи.

Секретарша внесла на подносе белый конверт.

– Вот передали с диппочтой.

Людмила удивленно взяла конверт. На нем были написаны ее инициалы. Внутри же лежало тисненное золотом приглашение в круиз по Средиземному морю на теплоходе в рамках тура в поддержку нового альбома МХ и ... два билета на самолет с открытой датой.

Шакро увидел их и присвистнул.

– Нормальный такой босяцкий подгон. Ну-ка дай!

Взял в руки конверт, повертел в руках, заглянул внутрь, даже понюхал. Вернул.

– Чисто. Ни товара, ни баксов. Но подкат зачетный. Вроде и на взятку не тянет, но и отказать сложно, – посмотрел на сенаторшу. – И с чего это он такой щедрый? А? Поедешь?

Людмила Васильевна посмотрела на секретаршу.

– Иди, Галочка, спасибо, – потом ответила Шакро. – Подумаю.

Глава 4. Аэропорт

Майя Рыболова похлопала по плечу своему водителю и попросила его ехать как можно быстрее.

– Надо успеть, Паша, – сказала она, поправляя прическу, глядя в зеркало, вмонтированное в спинку переднего кресла, – а то Машка не простит мне этого никогда. Что ж я за мать такая? Второй раз дочь на соревнования не провожаю.

Водитель, не меняя положения тела, слегка кивнул головой.

– Сделаю все что могу, Майя Федоровна. Куда она на этот раз-то летит?

– На чемпионат Европы, в Италию.

Водитель обозначил кивком головы, что услышал.

Черная «Тайота Камри», моргнув поворотником, проскочила в левый ряд, переехала перекресток с кольцевой дорогой буквально под красный цвет светофора, и вырвалась вперед, понеслась по Каширскому шоссе в сторону «Домодедово».

До вылета рейса «Москва – Рим» оставалось два часа...

В аэропорту творилась невообразимая кутерьма, какая обычно бывает в середине дня, когда самое большое количество вылетов и прилетов. Везде очереди. Чемоданы, баулы, орущие дети, носильщики, охрана. Дамы с собачками, таксисты и мужчины в строгих отутюженных костюмах и лакированных туфлях у стойки регистрации бизнес-класса.

Среди этой толчеи Майя быстро отыскала стайку девчушек в форме олимпийской сборной страны с огромными спортивными сумками на колесиках, в окружении нескольких мужчин в такой же спортивной экипировке. Возле них суетился оператор с видеокамерой, и журналистка с микрофоном, на котором висел знак телеканала, которым вот уже почти восемь лет руководила Майя Рыболова. Сборная страны стояла у стойки регистрации рейса и сдавала багаж, а главный тренер в это время рассказывать о предстоящих соревнованиях.

– Маша, – позвала Майя, пытаясь узнать дочь среди спортсменок, и тут же почувствовала, как ей сзади на глаза легли тонкие пальцы дочери, пахнущие карамелью.

– Угадай, кто это? – смеясь спросила девушка, и тут же убрала руки, встала перед матерью. – А мы уже сдали все вещи, мам, гуляет по аэропорту с Настей.

Рядом с Машей стояла ее подруга Анастасия Кобалева.

– Здравствуй, Настя, – обратилась она к подруге дочери. – Приятно, что провожаешь свою подругу.

Анастасия засмеялась.

– Я не провожаю. Мы тоже летим с матушкой. Нас пригласили на концерт. И так получилось, что у нас один и тот же рейс. Только мы летим бизнес-классом.

– Ясно, – Майя поискала глазами мать Анастасии, все-таки главный акционер канала, надо оказать почтение, но Анастасия угадала ее взгляд, и остановила. – Не ищите, она через вип-зал пройдет.

– Ясно, – снова повторила Майя. Ей хотелось пообщаться с дочерью, но она не знала как об этом сказать Анастасии.

В этот момент за спиной раздался странный шум. Все разом посмотрели на источник этого шума. Майе для этого даже пришлось обернуться. Мимо них быстро прошел парень в пестрой рэперской одежде, которого окружало несколько мордovorотов в черных косухах. Практически все девчонки из олимпийской сборной радостно закричали.

– Вау, МХ, привееетт! Давай сфоткаемся.

Маха ответил им приветствием и попросил свою охрану остановиться.

– Иду к Вам, дамы, – речитативом запел рэпер с распальцовкой. – Фото на память. Подарите мамам.

Лишь Анастасия, фыркнув отвернулась и уставилась в свой смартфон, стала что-то писать в нем, а Маша просто взяла мать под руку и отвела ее в сторону. Когда подруги по команде позвали ее к себе, она им ответила. Громко, так, чтобы слова достигли ушей того, кому они предназначались.

– Без меня, девчонки. Я с клоунами на фотографируюсь.

Она поймала на себе удивленный взгляд Махи, и послала воздушный поцелуй подруге.

– Настя, это за тебя.

Настя губами ответила: «Спасибо!» и снова уткнулась в телефон, на этот раз делая селфи и что-то говоря в него. Маха окинул взглядом дерзкую девчонку, посмотрел на ее подругу, узнал ее, хмыкнул, но ответить, как подобает крутому рэперу не успел. Охранник протянул ему телефон спутниковой связи. Маха приложил трубку к уху и тут же изменился в лице, превратился в пай-мальчика.

– Да, отец, слушаю.

– Ну, где ты ходишь? – услышал он в трубке голос Зуфара. – Конечно самолет может еще подождать, но наш пилот говорит, что над Италией сейчас циклон, погода меняется. Не хотелось бы возвращаться на полпути.

– Понял, понял. Иду, – Маха отошел от толпы поклонниц, махнул рукой охране, показывая им, чтобы они отсекли тех, кто пошел за ним, и быстро двинулся в стороне отдельного выхода. На ходу обернулся и показал пальцем как будто прицелился из пистолета в голову Маши.

– Дуф...

Сдул с пальца воображаемый дымок, а потом показал пальцами себе в глаза и на Машу.

– Я тебя запомнил.

Маша вздернула нос и неожиданно для всех поступила совершенно по-девчачьи. Вдруг показала парню язык.

Филипп, наблюдая за всей этой сценой со стороны, проводил Маху до выхода на взлетную полосу, увидел, как тот сел в машину сопровождения и та, отвезла его к стоянке частного самолета. Маха взбежал по трапу, за ним тут же закрылась дверь и самолет сразу начал заруливать на взлетную полосу. Проследив как «Гольфстрим», один из самых дорогих частных лайнеров в мире, оторвался от земли, Филипп бросил в урну банку энергетика, которую все это время держал в руке и вышел из аэропорта, направился к черному лимузину, где сидел Шакро.

– Он улетел, – доложил Филипп старому вору, – рейс частный, на Рим. Машинка у него самая навороченная надо сказать.

– Пробей кому принадлежит, – приказал Шакро и набрал номер Людмилы, а потом тут же сбросил. – Не верю я это старой суке. Бляха-муха, – он закачал головой как китайский болванчик. Шакро всегда так делал, когда нервничал. – Знаешь, что? Каждый раз, когда она куда-то сваливала без меня, происходит косяк. И сейчас, чую, хочет меня кинуть. Не просто так она это приглашение получила.

Он прищурился посмотрел в небо, как будто хотел увидеть там самолет.

– Закажи рейс до Рима. Давай тоже прогуляемся по улицам старого города. – цыкнул, – хоть нас и нет среди гостей, но..., – помолчал, – как говорится: доверяй, но проверяй. хоть со стороны за всем посмотрим. – Закусил нижнюю губу. – Не пойму я в чем прикол. Какой-то сопляк летит за бугор на аппарате стоимостью в несколько ярдов, и тащит за собой не последних людей из Москвы. Кто это пацан? Зачем он это делает?

Раздался звук смски. Филипп открыл ее и прочитал вслух.

– Самолет принадлежит корпорации Larissa inn, зарегистрированной на Мальте, – посмотрел на своего патрона. – Где-то читал, что эта контора владеет сетью отелей по всему

побережью Средиземного моря, имеет активы в Краснодарском крае и Крыму. Ну, и так по мелочи... еще кое где.

Шакро поднял удивленно брови и внимательно посмотрел на Филиппа.

– Что за название такое идиотское?

Филипп полез в интернет и через несколько секунд выдал.

– Вот что пишет Википедия... Хм... Основатель корпорации уроженка России Лариса Пушнарева. В начала 90-х годов работал проводницей на поездах дальнего следования. Скопив первый капитал, приобрела старый пансионат под Сочи. После реконструкции сделала его первым пятизвездочным отелем на Черноморском побережье. Неоднократно получала престижные международные премии в области гостеприимства. Вторым отелем была гостиница в Турции, затем сеть стала стремительно развиваться благодаря особым стандартам качества...

– Ну, здесь все понятно, – прервал Шакро, – кто дал ей денег?

Филипп скривил губы.

– Об этом здесь не написано.

Шакро ругнулся.

– Бля, было бы странным об этом прочесть.

– Как фамилия певуна этого? Тоже Пушнарев?

Филипп вбил запрос в поисковик.

– Нет. Везде пишется просто Маха или МХ...

– Надо узнать...

Шакро нервно забарабанил пальцами по двери лимузина. Он своим звериным чутьем почувствовал, что где-то был подвох, но где понять не мог и это его раздражало. Неужели он начал терять хватку.

Глава 5. Зуфар

На высоте девять тысяч метров в салоне самолета раздался звук пришедшей смски. Зуфар оторвал свой взгляд от иллюминатора, за которым виднелось голубое небо, крыло лайнера и под ним бескрайнее облачное поле. Посмотрел на своего сына, который сидел в наушниках и качал головой в такт неслышной музыки.

Взял со столика телефон и прочитал сообщение. Сжал губы, пригладил бороду, снова посмотрел в иллюминатор, будто хотел увидеть там что-то, что обычному взгляду не дано увидеть, и поднялся с кресла, несколько раз присел, разминая затекшие суставы.

– Сними наушники, – крикнул он сыну, стараясь перекрыть шум двигателей и показал руками, чтобы тот должен сделать. Затем махнул рукой стюарду, который появился из-за ширмы тут же, как только Зуфар поднялся.

– Принеси нам чаю и перекусить что-нибудь. Посмотри в моей котомке. Там – сыр, вяленое мясо, что женщины в дорогу положили, – приказал он и снова сел, бросив на мраморную крышку стола свой телефон.

Увидев, что Маха снял наушники и слушает его, продолжил.

– Хочу с тобой поговорить, – произнес он, глядя глаза в глаза сыну. – И прошу отнестись к этому разговору предельно серьезно.

– Конечно, отец, – приученный в кавказской традиции к почитанию старших Маха слегла удивился словам отца, так как к любому разговору с отцом он отнесся бы серьезно. Значит, этот разговор был бы каким-то особенным. Он напрягся и даже подался чуть вперед в своем кресле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.